

УДК 33

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

© О.Ю. Елин

Ключевые слова: земельный фактор; промышленный комплекс; Красноярский край.

Приводятся данные о последствиях промышленного воздействия на структуру земельного фонда Красноярского края. Отмечены негативные стороны земельной политики, которая привела к огромным потерям сельскохозяйственных угодий. Даны рекомендации по регулированию земельных отношений в системе «землеустройство – землепользование и землепотребление».

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 60-х гг. XX в. Сибирь стала классическим примером решающего влияния энергетического фактора на производственную специализацию районов, структуру промышленных комплексов. В это же время на территории Красноярского края начал формироваться и продолжает развиваться в настоящее время наиболее значимый в стране энергетический комплекс – КАТЭК.

Объекты энергетики, если включать в их число и топливно-добывающие предприятия, являются наиболее «землеемкими», а их размещение трудно поддается регулированию. Специфика строительства характеризуется тем, что невозможно руководствоваться принципом «строить на худших землях», как того требует земельное законодательство. Наибольшая часть отводимых площадей в местах сооружения ГЭС определяется уровнем подпорного горизонта и границами затоплений, при открытых разработках угля – контурами залегания угольных полей.

Целью настоящей работы явилось определить роль земельного фактора в формировании промышленных комплексов Красноярского края.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Расположение сельскохозяйственных земель по долинам рек и в котловинах, а также невозможность смещения зоны затопления и угольных карьеров приводят к значительным земельным потерям. Построенные ГЭС (Красноярская, Майнская, Саяно-Шушенская) на Енисее «обошли» сельскому хозяйству более чем в 300 тыс. га сельхозугодий. Почти полностью утрачены плодородные земли многочисленных островов на Енисее, Чулыме и их притоках, поймы и прибрежные пашни Минусинской котловины. При строительстве Средне-Енисейского и Нижне-Ангарского каскадов ГЭС водохранилищами, которые распространяются на 300 км вверх по Енисею и на 340 – Ангаре, будет затоплено около 300 тыс. га земель, в том числе около 60 тыс. га сельхозугодий, среди них 22 тыс. га пашни [1–2]. Многие сельскохозяйственные предприятия, попадающие в

зону затопления, теряют от 7 до 20 % угодий. Некоторые, утратив больше половины своих угодий, вынуждены будут прекратить существование. Экономическая политика 60-х гг. прошлого века позволила создать гигантскую плотину Красноярской ГЭС, т. к. фактор затопления ценных земель не стал решающим. Эти же обстоятельства (гигантомания, погоня за сиюминутными выгодами) приводят и к большим потерям земельных угодий при разработках угольных месторождений. Удельный вес пашни в фактических и запланированных отводах в среднем составляет 65 % (на отдельных участках – до 85 %). И хотя утрата этих земель считается временной (после выработки карьеры подлежат рекультивации), потери всегда ощутимы, так как: 1) период отчуждения затягивается на 10–15 и более лет; 2) вновь рекультивированные и возвращенные прежним владельцам земли чаще всего длительное время используются как угодья кормов невысокого качества. Большие площади предоставляются стихийному зарастанию, после чего они становятся непригодными для сельскохозяйственных работ. Другие же виды их использования (например, рекреационный) оказываются возможными лишь через многие годы. Наглядным примером может служить Назаровский бурогольный разрез, действующий с начала 50-х гг. XX в. Некультивированные отвалы медленно зарастают древесной растительностью, в понижениях образовались неприглядного вида водоемы, и только сегодня встал вопрос об окультуривании этих участков с целью создания здесь мест отдыха.

Долгое время бытовало мнение, что в Сибири все утраченные земли легко компенсировать за счет нового освоения. На практике в зоне Красноярского водохранилища, например, такая компенсация составила не более 60 % по количеству освоенных площадей, а по качеству и эффективности и того меньше. Большая часть региона уже не располагает возможностями расширения площадей сельхозугодий. Разработка же таежных территорий (Тюхтетский, Козульский, Большеулуйский и Бирилюсский районы) слишком затруднительна и не дает ожидаемых результатов. Здесь оптимально развитие очагового сельского хозяйства при строго регламентированном сокращении лесопокрытых

площадей. Повышение продуктивности уже освоенных земель также нельзя считать компенсационным путем.

Размещение объектов, занимающих сравнительно небольшие территории, площадок строительства ГРЭС, золоотвалов, линий электропередачи, дорог, населенных пунктов поддается более свободному регулированию. Однако и в данном случае положение осложняется необходимостью вводить целый ряд ограничений, одинаковых и для промышленных объектов, и для сельского хозяйства (выравненность поверхности, предельно допустимые уклоны, залесенность, заболоченность и др.). В силу этого в уже освоенных сельским хозяйством районах выбор места под промышленное строительство сильно затруднен и чаще всего приходится на сельскохозяйственные угодья или участки, пригодные для сельскохозяйственного освоения. Например, в западной Причулымской части КАТЭКа оценка строительных площадок по земельному фактору показала, что большое число отводимых под строительство участков на 60 % состоит из пашни.

Говоря о земле как о факторе (земельном, «локальном») развития энергопромышленных комплексов, следует заметить, что еще три-четыре десятилетия назад для районов Сибири он оценивался как благоприятный, стимулирующий. Считалось общепризнанным, что с точки зрения изъятия земель при гидроэнергостроительстве самыми эффективными показателями обладают ГЭС, строящиеся на Енисее и его притоках. Не менее благоприятными в сравнении казались и размеры отводов сельхозугодий под карьеры открытых горных разработок: в целом по отрасли в России на 1 млн т добычи отводилось 20 га земли, тогда как на разрезы Канско-Ачинского бассейна – 7 га. Подобные расчеты привели к тому, что при проектировании промышленных объектов энергетического назначения и территориальном планировании стали утверждать, что в регионе имеются значительные площадки, удобные для размещения любых промышленных объектов. Расточительство земель оправдывалось выгодами строительства. Залегание угольных месторождений в межгорных понижениях расценивалось как природное условие, облегчающее организацию открытой добычи угля. Большие масштабы затоплений сельскохозяйственных угодий и поселков водохранилищами ГЭС оправдывались высокой мощностью электростанций, большим количеством вырабатываемой ими электроэнергии. Однако необходимо помнить, что только «в земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства...» [3]. Изъятие земель оказывает незначительное влияние на экономические показатели строительства гигантов, прежде всего на их стоимость и стоимость производимой ими продукции, которая исчисляется миллиардами рублей и не идет ни в какое сравнение со стоимостью всех вместе взятых сельскохозяйственных предприятий, попавших в зону их влияния. К тому же земля являлась государственной собственностью, и государственная система могла перераспределять ее по своему усмотрению, часто мирясь с негативными факторами во имя сиюминутной выгоды от использования главного энергетического ресурса. Трудно не согласиться с утверждением, что «каждый пользователь эксплуатирует ресурсы сообразно своим интересам, а они, как пра-

вило, и противоречат делу охраны и воспроизводства природной среды» [4]. Такая земельная политика привела к огромным потерям сельскохозяйственных угодий, что не может не вызывать озабоченности и заставляет искать другие нормативы и критерии оценок и сравнений при перераспределении земель между отраслями, при передаче их от пользователя к потребителю. Например, если в целом по России на 100 человек населения затопляется в среднем 1,05 га сельхозугодий, то в Восточной Сибири – 2,5 га [5]; если в среднем по стране под водохранилища ГЭС изъято 0,5 % имеющейся площади сельхозугодий [6], то в Красноярском крае, по нашим подсчетам, – 1,7 %. Особенно страдают здесь кормовые угодья: их теряется до 5–7, а в некоторых хозяйствах – до 20 %. Из 7 га угодий, отводимых на 1 млн т добычи угля на разрезах Канско-Ачинского бассейна, 6 га приходится на пашню. Если бы при проектировании и подготовке предплановых разработок и обоснований учитывались эти соотношения, потери земель не казались бы столь несущественными и преимущества восточных районов страны выглядели бы по сравнению с западными менее значительными.

Одной из важнейших задач современных социально-экономических преобразований страны стало регулирование земельных отношений в системе «землеведение – землепользование и землепотребление», о чем свидетельствует новое земельное законодательство [7]. В связи с меняющимся отношением к земле возникает острая необходимость разработать стратегию ее сбережения. Введение мониторинга земли как системы наблюдения и контроля за ее качественным состоянием наполняет понятие «охрана земли» конкретным содержанием, и, главное, разработанные земельноохранные меры имеют конкретного адресата – ее фактического владельца и пользователя. Более того, это понятие объединит в себе не только охрану угодий от вредных воздействий и истощения, но и сохранность, сбережение площадей, уже обработанных и освоенных, от неоправданных их потерь. В более ранних работах нами отмечалось, что при планировании отводов под промышленные объекты меры по истинной охране земельных ресурсов подменялись намечаемыми компенсационными мероприятиями [8]. Практика показала, что этого недостаточно. Вся земельноохранная стратегия, регулирующая и перераспределение площадей между отраслями, прежде всего должна включать в себя максимально возможные ограничения при отводах земель (охрана территории) и предотвращение загрязнения и замусоривания полей при строительстве. На уже отведенных под строительство участках должны стать обязательными строго контролируемое снятие и сохранение плодородного слоя, передача снятого грунта для использования его при рекультивациях и мелиорациях, а компенсация потерь должна строго соответствовать обоснованным нормам, принимаемым при разработках проектов.

Из приведенного перечня необходимых земельноохранных мер видно, что виды этой деятельности подразделяются на запрещающие; разрешающие, но ограничительные; восстановительные. Их соблюдение должно стать (и уже становится) неременным требованием как на стадии проектирования объектов, так и при реализации проектов. При этом рушатся мертвые

стандарты планирования, не менявшиеся десятилетиями и одинаковые для всех регионов. Земельноохранная деятельность, та ее сторона, которая возникла как следствие крупного промышленного строительства, превращается в один из рычагов, регулирующих мощности, набор объектов, территориальную организацию промышленных комплексов. Из следствия она трансформируется в причину, фактор, который наряду с другими влияет на весь ход хозяйственного освоения территории и все чаще рассматривается как фактор ограничительный.

На всех этапах формирования энергопромышленных комплексов влияние земельноохранного фактора осуществляется по главным направлениям: 1) требуются изменения и совершенствование технологий производства; 2) меняется территориальная организация как локальных энергетических комплексов, так и всей энергопромышленной системы; 3) введение стоимости на землю удорожает строительство и тем самым в корне меняет все экономические показатели проектируемых объектов; 4) обращается большее внимание на рассмотрение альтернативных вариантов развития энергетики региона и использование нетрадиционных энергетических ресурсов – энергии ветра, солнца, малых рек и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) роль земельного фактора в формировании промышленных комплексов недостаточно учитывается, что приводит к сокращению сельскохозяйственных угодий; 2) необходимо пересмотреть земельное законодательство в стране и принять новые законы о земельной собственности, что должно привести к совершен-

ствованию концепции земельноохранной деятельности и степени ее влияния на промышленное развитие в осваиваемых регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруких В.А. Территориальная организация аграрного природопользования в условиях Приенисейской Сибири: монография. Красноярск, 2008. С. 145-150.
2. Макеев Е.П. Возможны варианты // Гидротехник. 1988. № 37. 24 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 312.
4. Михайлов Ю.П., Парфенов В.М. Сельскохозяйственный потенциал пойменных земель таежной зоны и его использование // География и природные ресурсы. 1986. № 2. С. 7-15.
5. Вендров С.Л. Запросы народного хозяйства к изучению и эксплуатации водохранилищ в связи с задачами комплексного использования и охраны водных ресурсов // Материалы науч.-техн. совещ. по изучению Куйбышевского водохранилища. Куйбышев, 1963. Вып. 1. С. 36-48.
6. Авакян А.Б., Силтанкин В.П., Шарпов В.А. Водохранилища. М.: Мысль, 1987. 325 с.
7. Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1989. 300 с.
8. Турушина Л.А. Проектирование энергопромышленных комплексов и проблемы сохранности земельных ресурсов // География и природные ресурсы. 1981. № 2. С. 18-24.

Поступила в редакцию 9 июля 2010 г.

Yelin O.Yu. The role of land factor in formation of the industrial complexes of Krasnoyarsk region

In the article the data concerning the consequences of industrial exposure on structure of Krasnoyarsk region land are given. Some negative sides of the land policy, which led to serious losses of agricultural holding, are mentioned. Some recommendations on settlement of land relations in the system of "land ownership – land use and land consumption" are given.

Key words: land factor; industrial complex; Krasnoyarsk region.